

Глава 13. Ложь. У меня безумно богатый жених

Хэ Хуай впервые испытывал нечто подобное. Ощущение, что он теряет контроль над ситуацией, глухо раздражало его.

Поджав губы, он скользнул взглядом по тонкой ладони юноши. Тот уверенно держал карандаш изящными пальцами, быстрыми и точными штрихами набрасывая на холсте тонкие грифельные линии. Вскоре на бумаге проступили очертания высотного здания.

Впрочем, передать вид из окна верхнего этажа — так, чтобы пейзаж казался парящим в воздухе, — было задачей не из легких. Юноша то и дело наносил новые штрихи и тут же стирал их ластиком, добиваясь совершенства.

Постепенно на плоском холсте рождался живой, объемный город с четкой перспективой. Ракурс был именно таким, как просил Хэ Хуай: взгляд человека, стоящего у панорамного окна, перед которым от ближних крыш к самому горизонту разворачивался бескрайний урбанистический пейзаж.

Обычно этот парень держался легкомысленно и даже немного развязно, но сейчас, погрузившись в работу, он стал удивительно собранным. Он слегка нахмурился, и его всегда смеющиеся глаза сосредоточенно вглядывались в детали рисунка. Его худощавая фигура подалась вперед; из-под свободного выреза футболки виднелись острые ключицы. Кожа на шее, плечах и лице казалась безупречно гладкой, почти светящейся изнутри.

«Красивый»

Осознав эту мысль, Хэ Хуай вздрогнул от неожиданности: он снова поймал себя на том, что неприлично долго разглядывает мальчишку. Досадую на собственную слабость, он резко отвернулся и принялся хаотично тыкать плоской кистью в палитру, густо набирая темную краску.

Вскоре за его спиной раздался облегченный вздох:

— Ну вот и все! Готово.

Звонкий, чистый голос парня мгновенно развеял сгустившееся в комнате напряжение. Хэ Хуай оглянулся. Юноша смотрел на него сияющими глазами:

— Прошу, одноклассник Линь. Теперь ваша очередь работать с цветом. Все как в прошлый раз. Перенесите на холст те краски, какими вы видите этот город в своих мыслях. Это может быть сияющий утренний мегаполис в золотых лучах солнца, сумеречный вечер или, например, город, утопающий в проливном дожде. Только учтите: подобрать правильные оттенки для города — задача непростая. Если не получится наметать нужный тон, сразу зовите меня.

Он пододвинул мольберт поближе к Хэ Хуаю и подбадривающе сжал кулак:

— Ну же, одноклассник Линь, смелее!

«Уже... не злится? Или он вообще не обижался, а я просто сам все накрутил?»

Мысли Хэ Хуая на мгновение спутались. Но на душе почему-то стало на удивление спокойно.

Негромко хмыкнув, он принял палитру. Глядя на лаконичные, но невероятно живые линии наброска, Хэ Хуай не мог не признать про себя: у этого мальчишки потрясающее чувство пространства и твердая рука. Однако на его вечно холодном, суровом лице не отразилось ни тени восхищения. С самым бесстрастным видом он взял кисть и принялся смешивать краски.

Поскольку это было их второе занятие, Хэ Хуай уже гораздо увереннее держал кисть и понимал, как смешивать мазки. Он быстро ушел в работу с головой.

Перед его мысленным взором стоял один-единственный образ: он сам у окна своей спальни, смотрящий на угасающий в серых сумерках город. Именно это давящее, мрачное ощущение он и хотел перенести на холст.

Сгущая тона, он наносил плотные мазки серого и асфальтового цвета, то делая их плотнее, то размывая границы. Парень был прав: поймать правильное настроение мегаполиса оказалось чертовски сложно. Несколько раз Хэ Хуай промахивался с оттенком и глухо раздражался, глядя на результат.

В конце концов он отложил кисть, собираясь спросить совета у своего «Сяо Су-лаоши», но, повернув голову, замер. Мальчишка, устроившись за соседним столом, сладко спал.

Уткнувшись щекой в согнутую руку, он тихо посапывал. Несколько непослушных выющихся прядей упали на лоб и запутались в густых пушистых ресницах. На заалевших от тепла щеках играл мягкий румянец, губы были полуоткрыты, а дыхание оставалось ровным и глубоким. Тонкая ткань рубашки обтягивала его хрупкие лопатки, мерно поднимавшиеся и опускавшиеся в такт вдохам.

Надо же, учитель уснул прямо посреди урока.

Глядя на эту беззащитную, трогательную картину, Хэ Хуай невольно усмехнулся. Он уже собирался окликнуть парня, но слова замерли на губах. Помедлив, он молча отвернулся к холсту и продолжил писать.

Правда, его палитра оказалась слишком тяжелой. Он хотел изобразить мягкие вечерние сумерки, но под его кистью город превратился в мрачные, постапокалиптические руины, дышащие беспросветным одиночеством, холодом и упадком.

Прошло немало времени, прежде чем Хэ Хуай наконец отстранился от картины. В его темных глазах появилось редкое умиротворение. Ощущение было точно таким же, как после их первого совместного урока: на душе стало непривычно легко, словно все те глухие, мрачные мысли, которые он так тщательно скрывал от мира, без остатка перетекли на холст.

Он взглянул на часы, а затем снова повернулся к спящему юноше и негромко позвал:

— Эй.

Его глубокий, бархатистый баритон прозвучал в тишине пустой студии на удивление объемно и мягко.

— М-м? — сонно отозвался тот.

Он приоткрыл глаза и принялся блуждать невидящим взглядом по сторонам. На его лице так явно читался немой вопрос: «Кто я? Где я? Что происходит?», что это выглядело почти комично.

Заметив на бледной щеке парня отчетливые красные полосы от рукава, Хэ Хуай насмешливо приподнял бровь:

— Ну что, Сяо Су-лаоши, соизволили проснуться? — в его вкрадчивом, нарочито вежливом тоне отчетливо сквозила ирония.

— Ой! — Тан Лофань мгновенно пришел в себя и выпрямился, как струна. Взяв сонные кудри, он спросил слегка осипшим голосом: — Как же это я... Смотрю, вы уже закончили? Ну что, полегчало?

«Полегчало?»

Хэ Хуай вдруг поймал себя на мысли, что этот мальчишка прекрасно знал, какой терапевтический эффект оказывает рисование. Было в этом что-то пугающее — словно его эмоциями умело манипулировали. Но вместо раздражения он почувствовал лишь любопытство.

— Сяо Су-лаоши, — Хэ Хуай прищурился. — Насколько я помню, я заплатил двойной тариф вовсе не за то, чтобы любоваться вашим тихим часом.

— Ну... — Тан Лофань виновато отвел взгляд и пробормотал: — Вы так долго и сосредоточенно красили, что я просто... не удержался. — И тут же тихо, с обидой добавил: — И вообще, могли бы меня и разбудить.

«Вот еще, сам же и виноват оказался»

Хэ Хуай мысленно усмехнулся.

— Не знал, что в вашей студии преподавателям требуются услуги личного будильника, — ровным, сухим тоном заметил он.

Его голос звучал негромко, но в нем чувствовалась та врожденная, давящая властность, от которой у любого побежали бы мурашки. Тан Лофань невольно втянул голову в плечи. Сейчас он чувствовал себя нашкодившим первоклашкой, которого строгий завуч поймал с поличным. Казалось, еще секунда — и ему накрутят уши.

— Я просто безумно устал сегодня, — совсем тихо прошептал Тан Лофань. Он стоял перед Хэ Хуаем, понутив голову, и его сонный, мягкий голос звучал на редкость жалобно: — Поднялся в шесть утра, весь день на ногах, присесть некогда было... А тут ваше сообщение. Я ведь сразу бросился сюда, чтобы не заставляя вас ждать. Вот организм и не выдержал.

«Хитрый лис»

Хэ Хуай прекрасно понимал, что мальчишка только прикидывается несчастным ягненком, ловко перекладывая вину на него. Ведь это он потребовал внеплановый урок. Получалось, парень из кожи вон лез ради него и заснул от крайнего изнурения исключительно по его прихоти.

Однако эта детская уловка не вызвала у Хэ Хуая раздражения. Напротив, он ощутил странный прилив тепла. Когда такой симпатичный парень оправдывается перед тобой, забавно надуть губы и едва ли не капризничая, это льстило самолюбию и рождало глубокое, незнакомое прежде чувство превосходства.

Скрывая довольную улыбку, Хэ Хуай холодно парировал:

— Я не заставлял вас ехать силой. Если вы были так заняты, могли просто отказаться.

Но Тан Лофаня было не так-то просто загнать в угол.

— Так вы же платите целое состояние! — Он вздохнул, продолжая разыгрывать карту бедного сироты: — Я ведь всего лишь студент. Приходится вертеться, чтобы оплатить учебу и жилье. Искусство — штука суровая. Пока имя себе не сделаешь, будешь на одной воде и хлебе сидеть.

«Сам зарабатывает на жизнь?»

Хэ Хуай опешил. Он пристально оглядел юношу. Во время их недолгих встреч тот всегда казался веселым, уверенным в себе и совершенно беззаботным — типичный представитель золотой молодежи с яркой внешностью и легким характером. Ему и в голову не приходило, что этот парень может нуждаться. Хэ Хуай попытался уловить в лице собеседника признаки лжи,

но тщетно.

Простая белая футболка, широкие недорогие брюки, выдавшие виды кеды без намека на брендовые логотипы... Все чистое, аккуратное, но явно дешевое. Просто благодаря безупречной фигуре и природному аристократизму парень даже в этих тряпках выглядел как с обложки журнала.

А ведь на первом уроке он действительно из кожи вон лез, лишь бы удержать богатого клиента... Значит, действительно отчаянно нуждается в деньгах. Благо, платил Хэ Хуай щедро.

На сердце у Хэ Хуая потеплело. Осознание того, что его приход так важен для этого мальчишки, приятно согревало. Суровые складки на его лбу разгладились. Повернувшись спиной, он бросил через плечо:

— В таком случае надеюсь, что на следующем занятии Сяо Су-лаоши обойдется без услуг личного будильника.

— Не сомневайтесь, одноклассник Линь! В следующий раз — ни в одном глазу! — звонко прилетело ему вдогонку.

Хэ Хуай прикрыл ладонью дрогнувшие в улыбке губы. Выйдя в приемную, он коротко бросил ожидавшему его помощнику:

— Идем.

— Слушаюсь, — Юй Хуэй поспешно поднялся со своего места и пристроился рядом, ловя малейшие изменения на лице шефа. — Как прошел урок, господин Хэ? Вы довольны преподавателем?

Высокий, суровый мужчина лишь неопределенно хмыкнул в ответ.

Едва за ними захлопнулась дверь, Тан Лофань победно вскинул руку с пальцами знаком «V» и, ослепительно улыбнувшись, подмигнул администратору:

— Готов голубчик!

Сяо Цяо покачала головой, глядя на его сияющую физиономию, и подошла ближе:

— Ты что, спал? У тебя вся щека красная.

— Сильно заметно? — Тан Лофань потер горящую щеку. — Ай, ладно, главное — пронесло. Наш угрюмый одноклассник Линь только с виду суровый, а в душе — сущий добряк. Стоило мне поплакаться, что я бедный студент, как он тут же забыл про все обиды!

Лицо Сяо Цяо слегка зажалось, в голосе послышалась неловкая благодарность:

— Спасибо, что выручил сегодня. Учитель Ли просила передать, что как только разгребет дела, обязательно уделит тебе время и поделится профессиональными секретами.

— Да пустяки, — отмахнулся Тан Лофань. — Как там старшая сестра? Все еще пишет на заказ без продыху? Скажи ей, чтобы хоть иногда спала, так ведь и сломаться недолго. Кстати, насчет того долга, который на нее повесил благоверный... Я тут проконсультировался с юристом. Ей вовсе не обязательно тащить эту лямку в одиночку. По закону муж обязан разделить долги, так что пусть смело подает в суд.

Сяо Цяо лишь горько усмехнулась:

— Если бы все было так просто. Их брак — это гнилое болото, из которого не выпутаться. Сама виновата, честное слово.

— Неужели все так запущено? — спросил Тан Лофань, задумчиво прикусив трубочку от молочного чая.

— Хуже некуда, — вздохнула Сяо Цяо. — Этот тип — смазливый мелкий актеришка, которого она фактически содержала. Он младше ее на восемь лет. Она сама влезла в эти миллионные долги, чтобы ублажить своего альфонса и затащить под венец. А когда этот красавчик узнал, что сорок миллионов юаней взяты под залог ее студии, тут же пошел на попятную. Заявил, что знать ничего не знает, и подал на развод, обвинив ее в обмане.

— Кха! — Тан Лофань поперхнулся чаем и едва не прыснул им во все стороны. — Ну дает... Моя старшая сестра... она что, совсем...

— Дура набитая? — безжалостно закончила за него Сяо Цяо. — Вот именно. Теперь ей приходится расплачиваться за собственную глупость. Гордость не позволяет признать ошибку, вот и пашет как проклятая круглые сутки.

Тан Лофань поднял взгляд на светящиеся окна второго этажа. Ли Цзысянь была потрясающим художником. Занять прочное место на жестком рынке масляной живописи к двадцати восьми годам — для этого требовался недюжинный талант. Но вот ее житейская мудрость... Тан Лофань тихо вздохнул. Впрочем, кто он такой, чтобы судить ее? Если бы не внезапное прозрение в ту роковую ночь, он бы сейчас бегал за Хэ Хуаем точно так же, ослепленный красивым лицом и напрочь лишенный рассудка.

На улице давно стемнело.

Выйдя из дверей студии Илань, Хэ Хуай в сопровождении ассистента окинул взглядом тускло освещенную парковку. Рядом с его представительским черным седаном стояло еще несколько машин, среди которых ярким пятном выделялся роскошный алый спорткар. Хэ Хуай мельком подумал, что эта дорогая игрушка принадлежит Ли Цзысянь, и направился к своей машине. Однако в тот самый момент, когда он уже взялся за ручку двери, фары алого спорткара внезапно моргнули, снимая замок с сигнализации.

Следом из дверей студии легкой, летящей походкой выбежал его «бедный студент» Сяо Сулаоши, покручивая на пальце брелок от ключей. Он уверенно подошел к шикарной спортивной машине и уже собирался сесть за руль, как вдруг заметил Хэ Хуая и приветливо помахал рукой:

— Одноклассник Линь, до следующего занятия!

Хэ Хуай медленно перевел взгляд на сияющего парня. В его темных глазах заплясали недобрые огоньки.

— Твоя машина? — негромко спросил он, и в его низком голосе отчетливо послышался опасный холодок.

Тан Лофань замер с полукоткрытым ртом. Черт!

Он перевел взгляд со своего новенького спорткара на Хэ Хуая, и в его голове со свистом пронеслись все те жалостливые бредни, что он только что нес в мастерской. В этот момент Тан Лофань готов был сквозь землю провалиться от стыда. Дело было в том, что, умело прикидываясь бедняком на словах, в реальности он вообще не понимал цену вещам. Но даже круглому дураку понятно: нищий студент, перебивающийся случайными заработками, физически не может позволить себе коллекционную иномарку!

Почувствовав на себе тяжелый, пронизательный взор «одноклассника Линя», Тан Лофань понял: пахнет жареным. В полумраке парковки глаза мужчины казались бездонными омутами, в которых угадывалось ледяное бешенство обманутого человека.

«Ну все, приплыли»

Мысленно чертыхнулся Тан Лофань. Но, собрав в кулак остатки самообладания, он вымученно улыбнулся и, надеясь, что темнота скроет его пылающие щеки, выдал:

— А, да... Моя. На самом деле... понимаете, у меня есть безумно богатый жених. Это он меня

содержит.

Хэ Хуай онемел.

Тан Лофань неловко взъерошил волосы на затылке и заговорщически прошептал:

— Ну, такой пожилой папик, понимаете? Денег у него — куры не клюют, хе-хе.

Лицо Хэ Хуая окончательно окаменело.

<http://bllate.org/book/20617/2131699>